

Говорят, что когда военный инженер Сергей Иванович Мосин представил свою трехлинейку образца 1891 года на одобрение взыскательной комиссии, царь Александр III – Миротворец спросил: – А на какое количество патронов рассчитана обойма вашего ружья? – Сколько пальцев на руках – столько и патронов: десяток, – справно ответил военный инженер Мосин. – Русскому мужику достаточно и пяток, – определил царь, не мешкая. Отстрелялся и в штыковую.

Эти слова из царского наказа сидели в голове молодого-необученного солдата Костика Сирого, жестянщика завода «Красный партизан». Он топал по снегу на защиту Москвы, грея в кармане полушубка одну-разъединственную обойму на пять патронов. Винтовку Мосина нес в четырех шагах от него рослый старик Хлебняк, бригадир столярного цеха. Два часа назад, при раздаче оружия, призывникам из народного ополчения выдали по одной такой штуковине на четверых, и всем, без исключения, дали обойму.

– Убьют оруженосца, – разъяснял сержант при раздаче, имея в виду счастливого обладателя трехлинейки, – бери его боевой инструмент, и пали, пока тебя не решат. А решат тебя, передай боевой инструмент товарищу. Патронов, чтобы палить, на всех хватит. Костик Сирый и думал, вдавливая рубчатые подошвы в снег, на жизненную тему: когда дойдет до него очередь, чтобы палить? Как ни думай, но выходило: прежде должны убить бригадира Хлебняка, потом решить комсомольского активиста Отварного, за ним подсобника из склада готовой продукции Джамбулова, и лишь затем... Да, следующая очередь его – Костика Сирого. Отстреляется – дело быстрое, и – что? В штыковую? Это дело нехитрое. Но положено ли по Уставу одиноко ходить в штыковую?

Вот ведь вопрос – положено или нет? И спросить не у кого.

Офицеров не видно, а до старика Хлебняка – расстояние: четыре шага в зимнюю пору при простуженном горле и завьюженном ветре – это тебе не сказки казывать на полатях в сочельник.

Легче по команде передать, через Джамбулова. Торкнул его локтем в бок, где под ватником грелась обойма:

– Джамбулов.

– Слушаюсь!

– Положено по Уставу одиноко ходить в штыковую?

– Ей Богу, не знаю.

– Спроси у того, кто справа.

Справа от Джамбулова шел комсомольский активист Отварной.

Джамбулов торкнул его в бок, где под ватником грелась обойма, спросил, что приказано, и от себя добавил:

– Передай по начальству.

– Одиноко? – переспросил у него Отварной.

– Ей Богу, не знаю. Однако, одиноко.

Через три минуты, пройдя обратный путь от старика Хлебняка, ответ добрался по назначению до Костика Сирого. Ответ гласил:

«Одинокая ходит гармонь».

– Причем тут гармонь? – спросил Костик у Джамбулова.

– Ей Богу, не знаю. Но все, полагаю, по Уставу.

«Устав не дураком писан», – подумал Костик Сирый и

забеспокоился: где тут в снежном мареве раздобыть гармонь, чтобы сходить в штыковую атаку? А сходить придется. Как ни крути гвоздящую мысль вокруг мозговой извилины, но ему в живых оставаться последним из всей четверки, значит, и в атаку ходить,

примкнув штык. «Эх, атака, ты, атака, дураку дана для страха. Ну, а парню-храбрцу страх, конечно, не к лицу», – сочинил, не подумав, Костик Сирий. Это с ним случалось неоднократно. Стоило отключиться от разных там досужих дум, как стишки – сами собой – втемяшивались в голову, словно небо их посылало, считай, для развлечения.

Честно признаться, это было единственное развлечение на этот час. Где-то рвануло, рядом ухнуло, пулеметом задолдонило у опушки леса. Искры посыпались из глаз, и в их ослепительном сиянии высветилась избушка станционного зрителя, скособоченная, с порушенной крышей и выбитыми стеклами окон. Спотыкаясь о рельсы, проложенные, как выяснилось при беге, под ногами, Костик Сирий сыпанул к нежилому по внешнему виду помещению. Следом за ним рванули Джамбулов и комсомольский активист Отварной. Старик Хлебняк запозднился с передвижением по открытой местности и попал под осколок артиллерийского снаряда. Прилег на шпалы, посмотрел на приближающийся немецкий танк и выпустил по нему всю обойму, что и полагалось сделать перед смертью, дабы передать оружие следующему товарищу. А где он – следующий товарищ? Оглянулся старик Хлебняк, ища глазами кого-нибудь из попугачиков на тот свет, да так и застыл, уже не дыша даже для согрева рук.

Комсомольский активист Отварной, наблюдая у порога избушки за немигающим взглядом старика Хлебняка, вспомнил, что он и есть следующий товарищ, которому положено перенять оружие. Он вынул из кармана обойму и потер ее о шершавый рукав ватника.

По каким-то еще неведомым соображениям ему показалось, что обойма вся насквозь промерзла, и ее прежде надо как-то обогреть, иначе порох в гильзе не вспыхнет и пуля не шарахнет по врагу.

Эти соображения он довел до ума рядового Джамбулова. Тот понял мало, зато главное: бежать за винтарем Хлебняка придется ему и стрелять, если что, тоже придется первым, в нарушение убойной очереди. Он и побежал. И принялся стрелять, вернее, отстреливаться, поспешно ставя ноги назад в нужном направлении.

Стрелял-отстреливался. Все патроны израсходовал, но трехлинейку доставил по адресу – прямо в руки комсомольского активиста Отварного. Тот принял оружие и удручающе покачал головой.

– Что же ты так?

– А что? – спросил возбужденный от счастливого для жизни исхода

боя Джамбулов.

– Где твоя обойма теперь?

– Ей Богу, не знаю. Пуля – дура, не скажет, куда летит.

– Стрелять надо по врагу, а не в небо, – рассудительно пояснил Отварной, снаряжая обойму.

Костик Сирый пришел на выручку приятелю:

– Вот тебе подоконник, а вот и враг, – и указал на немецкий танк.

Отварной был не снайпер, но прицелился, наводя ствол на смотровую щель в броне чудовищной по размерам машины.

И нажал на спусковой крючок – раз, отдернул затвор, два – отдернул затвор. Пять выстрелов – ни одного попадания. Шестого не последовало. Обойма кончилась, а сам не погиб.

Как поступить в этом случае с оружием?

Передать по назначению!

И комсомольский активист не заупрямился – передал.

Костик Сирый подул на пальцы, чтобы двигались гибче, и подумал, куда стрелять посподобнее? В лоб по башне? Старик Хлебняк пробовал – не пробил. В смотровую щель? Комсомольский активист Отварной пробовал – не попал. Что же это за чудо-танк?

Заговоренный, что ли?

– Да ни хрена он не заговоренный! – распалился Костик Сирый.

И давай бить по круглым канистрам с бензином, навьюченным на металлическую махину, чтобы ей хватило горючего добраться до Красной площади.

Падкое на огонь топливо и схватилось коптящим пламенем.

Схватилось так, что подпалило небеса, по которым прежде бабахал без толку Джамбулов.

Немцы выскочили из танка, катаются по снегу, задымляя атмосферу прожигаемой насквозь униформой.

Расстрелять бы их всех, походя. Да обойма кончилась.

Что предпринять?

– Теперь в штыковую! – вспомнил Костик Сирый наказ батюшки царя – миротворца из прошлого века.

– А как по Уставу без гармонии? – задал наводящий вопрос комсомольский активист Отварной.

– Ей Богу, не знаю, – простужено шмыгнул носом Джамбулов. –

Но трое на троих, это стенка – на стенку...

– Мы и без гармонии зададим им такую музыку с перцем, что... – сказал на психе Костик Сирый и примкнул штык, оставив на потом

все разумные мысли. В этот безрассудный момент жизни и снизошли на него с неба новые, последние за этот день стихи: «Русь не дам вам на отдачу. Всех поставлю у стены и так морду раскудрячу, что усретесь вы в штаны!»

– Баста!

– Помирать нам рановато!

– Ей Богу, будем жить!

И все трое пошли в штыковую на автоматы, держа попеременно – для устрашения – винтовку наперевес.

И?

Из трех солдат при защите рубежа в живых остался только Костик Сирий. Ему и учинили допрос за перерасход живой силы.

– Где люди? – спросил у него капитан Задолбов.

– Умерли.

– А немцы?

– Немцы убиты.

– Почему же мы их не видим в наличии?

– Их забрал танк, тот, что не подбитый.

– А подбитый?

– Подбитый он взволок на прицеп, и тоже забрал.

– А тебя?

– Я спрятался.

– Как так спрятался, когда кругом враги?

– Так и спрятался, по той самой причине – враги.

– И не нашли?

– Да война кругом: справа пушки грохочут, слева пулемет дурдомит, напрямки пуляет наш уральский полк народного ополчения.

А сзади, за ним, Москва – отступать некуда.

– Немаки, выходит, испугались?

– Поди, спроси.

– А вот и поди, а вот и спроси. Это я тебе говорю, капитан Задолбов.

– Но я по-немецки ни бум-бум.

– А они по-русски.

– Как же спрошу?

– Кулаком по чайнику и тащи сюда. Мы у них и спросим. Про рекогносцировку их сил. А иначе обанкротимся с наступлением.

– Но ведь...

– Разговорчики! Нам живой «язык» нужен, а не твоя брехня из разговорного жанра.

– Так я мигом.

– Без «языка» не возвращайся, не то припомним тебе, что людей в расход пустил, а последний патрон не сберег.

– Какой патрон? – растерялся Костик Сирий.

– Опять не дошло? Тот, последний, что – для себя.

– Для себя у меня не патрон, а штык, – нашелся солдат и взвалил на плечо трехлинейку. – Разрешите идти?

– Иди.

И пошел Костик Сирий по снегу, в ту, закрытую для наступающих частей сторону, где вражий глаз высматривает наших лазутчиков.

Пошел – не оступился: точняк по проложенному танковыми траками маршруту. Следок в следок. Пошел и дошел. А когда дошел, то и вышел к окраине деревни: на десяток домов одна пыхающая дымом труба. А возле нее – конь-тяжеловес, впряженный в сани.

«В избе немаки! – догадался солдат. – Кашеварят, небось».

Приноровился нюхом, угадал запах самогонки: «Поминки, чай, справляют по тем, кого я штыком укандобил».

Облизал губы, протер рот кистью руки, чтобы не замерз в ледышку.

И дальше по следку траков к сцепленным тросом танкам. Один пыхтит, двигатель прогревает, другой, обожженный, в молчанку играет, снуло опустив к земле пушку. «Ого! – подумал Костик Сирий, – Какой знатный «язык» и живой притом». Нет, не о танке подумал Костик, а о том, припертом к рычагам водиле, который гоняет на нетралке мотор, полагая, что таким образом справится с генералом Морозом. Да ни хрена не справится, если его по чайнику трахнуть, как давече велено, и в плен утащить.

Вполз на броню, добрался, оскальзываясь, до открытого люка.

– Ганс? – послышалось снизу.

– Я – я! – откликнулся, растягивая личное местоимение по-немецки, в смысле «да», хотя отродясь ни на каком наречии, кроме русского, не бухтел.

Представившись, шарахнул мерзлявого гада по кумполу. Долго ли, умеючи? И что? А то: сник вместе с ним. Не выгачить безвольную фигуру на простор русской земли: пивной бочонок – не человек, слишком грузен для хилых плеч. Пришлось мозговать по-спешному, пока по соседству не прервались поминки. «Мозгуй не мозгуй, все равно получишь – где наше не пропадало», – снова подумал Костик Сирий. Выбрался из железа, выпряг коня-тяжеловеса из саней, и прикрепил его задком к гундосому танку.

– Но-но! – дал животине по заднице нагоняй. – Поехали, что ли? И поехали. Следок в следок, по спрессованному предварительно теми же танковыми траками снегу.

– Но-но! – говорил, не думая, Костик Сирий – подгонял лошадь, опасаясь выстрела снайпера. И теперь, уже не думая ни о чем из-за опаски близкой смерти, машинально сочинил стихи, как это обычно с ним и случалось: «Когда закончится война и всех врагов отправит «на», куплю пиджак я и штаны, чтобы гулять на выходных. На лацкан я прилажу бант, и буду выглядеть, как франт. Влюблюся в девушку-душу, женюсь и деток нарожу».

Сочиняя стихи, Костик, ясное дело, потерял чувство времени.

А когда очнулся, глядь, уже среди своих, и не один, а с тягловым животным – конем, двумя вражьиими танками и живым «языком» в придачу. Следок в следок вышел к избушке станционного смотрителя, возле которой еще сегодня тыкался в штыковую атаку на автоматы.

– Здравствуй, солдат! – сказали ему с приветствием.

– Здравия желаю! – ответил он с радостью: живой, где ни пощупай, и нешуточные трофеи доставил.

– Смекалистый, мать твою! Это я тебе говорю, капитан Задолбов.

– Рад стараться!

– А не послать ли нам тебя?..

– Оставьте при исполнении!

– Нет-нет, не туда мыслью заплетаешь. В офицерское училище пошлем тебя напрямки. Война – не пальцем делается. Люди нужны, бля!

– Честь имею!

– Береги ее смолоду, а то обанкротишься.

Дальнейшее Костик не услышал. В нем уже хороводили стихи и писались сами по себе, в уме, конечно. «Жизнь еще ценится, покуда пиво пенится. Влюблюсь. Женюсь. Своим детям житуху сытную создам».